

Рассказ Афины

Я знаю, что смутила некоторых из окружающих меня смертных, но я чувствую, что могу с полным правом отстаивать свои слова. Поскольку школа - это то, чего я давно хотела для своих детей-полубогов, я знаю, что и Посейдон, и Гермес понимают, почему я считаю эту второстепенную причину более веской, чем первую.

И все же, будучи богиней знания, моя власть над истиной и справедливостью делает так, что часть меня находит обе причины одинаково важными для юного Харрисона, даже если в глазах общей картины количество причин должно поменяться местами. Затем я внезапно осознаю, что снова мысленно сбиваюсь с пути, и говорю:

"Как вы уже знаете, Зевс - отец Харрисона, избранный Судьбой через Фибуса Аполлона и партнер вашего - недавно освобожденного - осужденного Сириуса Блэка. Он, также по Пророчеству, был вынужден держаться на расстоянии от Харрисона, но, хотя ему было позволено защищать и охранять на расстоянии, это правило действовало в течение 15 лет.

Эти годы прошли, но за последние четыре года отец, другие двенадцать олимпийцев и я видели, как Харрисон столкнулся с монстрами и проблемами, от которых его следовало бы защитить, если бы Хогвартс действительно оправдывал своё название "самого безопасного места на Земле". Из-за этого отец решил, что Харрисон больше не будет учиться в Хогвартсе".

Это, очевидно, шокирует всю группу, и Гермиона спрашивает: "А что же тогда с испытанием? Гарри проиграл?". Но я качаю головой, и Гермес отвечает: "Отец добился освобождения и его, и Сириуса. К тому же Афина не совсем правильно сформулировала последнее предложение. Она имела в виду, что Харрисон больше не будет учиться в британском Хогвартсе".

Все в шоке смотрят на нас с братом, а Посейдон говорит: "Весь прошлый год отец собирал всякие безделушки, которые, по его мнению, понравятся Харрисону и Сириусу, пока они будут жить на Олимпе, что они будут делать довольно часто, поскольку он приказал Гефесту построить второй Хогвартс и там."

И с этими словами Посейдон, Гермес и я бросаем бомбу, которая, как я знаю, - если бы это было возможно - потрясла бы до глубины души всех четверых присутствующих, заставив меня почувствовать почти головокружение при мысли о том, как эту новость воспримут те, кто больше всего гордится своей работой: Преподаватели школы Хогвартс.

Первая встреча в лагере

Рассказ Перси

Прошла неделя. Неделя с тех пор, как мы с мамой отправились в Монток. Неделя с тех пор, как Гровер заставил нас покинуть хижину, в которой мы остановились, и за нами погналось нечто, что я до сих пор жалею, что не был обычным быком. Неделя прошла с тех пор, как мои собственные инстинкты, которые, как мне сказали, достались мне от моего божественного отца, сработали слишком поздно, чтобы я смог спасти маму от смерти.

Прошло четыре дня с тех пор, как я очнулся после явной схватки с так называемым Минотавром - существом, которое все здесь называют просто Монстром, поскольку в лагере, где я сейчас живу, использование имен запрещено, и четыре дня с тех пор, как я узнал, что учитель мифологии, который у меня был, на самом деле был кентавром, которому уже много веков.

Однако все это, похоже, уже никого не волнует, поскольку мистер Д. - директор лагеря, известный также как Бог Вина и отец двух воспитанников лагеря - объявил сегодня утром, что игра под названием "Захват флага" отменена до дальнейшего уведомления по приказу самого мистера Биг Шот.

Конечно, я единственный, кто называет Зевса так, и только мысленно, поскольку правило не произносить вслух имена в лагере уже стало для меня предельно ясным, хотя бы по тому, как почти все настороженно оглядываются по сторонам, если кто-то все же произносит имя бога, титана или монстра по неосторожности или случайно.

Тем не менее, как и все остальные, я задаюсь вопросом, почему "человек сверху" отменил игру, которая имеет греческую мифологическую историю, и что еще более непонятно, многие из более опытных участников лагеря удивляются, почему до сих пор не назначена новая дата, доказывая, что это не обычное явление.

Самое странное, о чем я еще не рассказал своему другу-сатиру Гроуверу Андервуду, заключается в том, что по какой-то причине я не могу отделаться от ощущения, что мое прибытие в лагерь - в тот день, когда это произошло, - было чем-то, что должно было произойти, и хотя эта мысль приводит меня в замешательство, она также заставляет мурашки бежать по моему позвоночнику.

Именно по этой причине я до сих пор не поговорил об этом с Гровером, поскольку каждый раз, когда я думаю об этом, какая-то часть меня тихо говорит мне, что моему приезду не суждено было случиться. "Как я должен был прибыть в тот день - и не должен был прибыть сюда вообще? Неужели я должен был стать одним из тех, кто не доехал до лагеря?"

Эта мысль, а также ощущение, которое вызывает у меня весь этот поток мыслей, заставляет меня дрожать и не дает мне рассказать об этом кому-либо еще, хотя я почти уверена, что старшая вожатая "Хижины Афины" Аннабет Чейз уловила мои мысли и даже сейчас ждет случая, чтобы допросить меня.

Успокоившись, что дочь Богини Боевой Стратегии еще не устроила мне засаду в своей жажде знаний, я был потрясен, когда вдруг мистер - я имею в виду - Хирон покинул Большой факультет, где он обычно оставался, чтобы наблюдать за происходящим, и как кентавр побежал к холмам, где находится лагерный барьер.

Выхватив меч, который дал мне Люк Кастеллан, сын Гермеса, который был моим псевдо-старшим вожатым, пока я оставался Неопределенным Полубогом, я бегу за кентавром, чувствуя, что меч неудобен и даже неправилен в моей руке, но мое тело говорит мне, что сейчас не время для этого.

Все больше и больше отдыхающих видят, как я бегу за начальником лагеря, и все больше и больше достают свое оружие - луки, копья, стрелы, мечи и кинжалы - и бегут за нами, превращаясь в армию из почти сорока-пятидесяти подростков всех возрастов, пересекающих

территорию лагеря в защитный барьер лагеря.

Там, к нашему шоку и моему личному замешательству, мы видим двух людей, один из которых - подросток, кажется, всего на несколько лет старше меня, а другой - взрослый мужчина, который, как и моя мама, не смог пересечь Барьер, что заставляет подростка смотреть на мужчину с болезненным беспокойством в его удивительно синих глазах.

"Не волнуйся, Спаркс, твой старик сказал нам, что такое может случиться, и пообещал, что я смогу остаться с ним до поры до времени. Просто иди туда, познакомься с отдыхающими и убедись, что ты останешься с ними, когда все выяснится, хорошо?" говорит черноволосый мужчина подростку, который действительно очень похож на него, и мальчик отвечает:

"Но... но мы только... мы...". И тут же мое сердце отдается ребенку, который, очевидно, до недавнего времени считал себя сиротой, и хотя часть меня пытается возмутиться тем фактом, что этот полубог, очевидно, уже встретил своего Божественного родителя, я больше, чем что-либо другое, понимаю, насколько болезненной должна быть эта разлука.

Я иду вперед, заставляя окружающих неуверенно оглядываться на меня, в то время как некоторые из старших лет все еще держат оружие наготове, и первым меня замечает старший мужчина по ту сторону Барьера, его глаза, очевидно, узнают что-то во мне, они расширяются, прежде чем на его лице появляется очень довольная улыбка, и он поворачивается назад.

Вернувшись к мальчику, который теперь тоже смотрит на меня, его глаза почему-то нервируют меня своей силой и огненно-голубым цветом, мужчина говорит: "Видишь, малыш, кто-то уже пришел поприветствовать тебя. Держись поближе к нему, и все будет хорошо. Я вижу". И пока я размышляю, как это сделать, я все же благодарно улыбаюсь мужчине.

Затем я поворачиваюсь к молодому человеку и спрашиваю: "Привет, я Перси. Как тебя зовут?" И ответ не только усиливает чувство, которое я испытывал до этого, что мой приезд - это судьба, но и заставляет всех окружающих в шоке вздохнуть, когда мальчик говорит: "Я Гаррисон Джуно Блэк, сын Сириуса Блэка и Зевса, Повелителя Богов."

<http://tl.rulate.ru/book/98803/3353230>